

Наконец есть еще одно качество искусства, отмечаемое или подразумеваемое трактатами, качество это — красота. Мысль о том, что искусство есть красота, хотя и не развивается подробно, однако постоянно высказывается как мысль привычная, понятная, всеми признаваемая. Красота составляет содержание искусства: „премудрый художник“ передает в произведениях своих „первообразную красоту“,¹ т. е. красоту, существующую в мире, свойственную тому, что он, художник, изображает. Сами произведения искусства прекрасны.² Симон Ушаков сопоставляет их с небом, украшенным звездами, и с землей, одетой цветами.³ Живопись, иконы в частности, служат украшением храмов и постоянно называется красотой церкви. Безобразные — свойство отрицательное. Симеон Полоцкий приводит легенду об одном художнике, изобразившем богоматерь, а под ногами ее дьявола. Последнего он написал безобразным: „грубо и гнусно“, чем возбудил гнев дьявола, который явился художнику во сне с угрозами, а затем разрушил подмости, на которых работал мастер. На помощь художнику пришла богоматерь и спасла его.⁴

Рассматриваемые теоретические рассуждения об искусстве, порожденные возникшей потребностью осознать некоторые общие вопросы искусства, исходили из интересов определенной общественной среды и отразили претензии и требования, предъявляемые к искусству этой средой.

Во всех названных литературных документах и в особенности в записке Симеона Полоцкого выступает решительно выраженное притязание на искусство со стороны господствующих слоев общества. Проводится мысль, что занятие искусством — дело достойное „благородных“, „вельмож“, „начальствующих в мире“ и даже самих царей. Упраздняясь в искусстве, они возвышают его. С сочувствием рассказывается об обычае, существовавшем в древней Греции, который запрещал обучаться искусству рабам и пленникам, чтобы „только благородных чада и советничьи дети тому художеству навикают“.⁵ Одна из задач искусства, в изображении записки Симеона Полоцкого, — прославление вельмож и царей. В другом месте Симеон Полоцкий пишет, что „царствующие“, „не... довольствуют венцы и диадимы и багряницы цвет, числими ж законы и дани начальствуемых множества сплести сими царство, но требуют и поклонения, от него ж честншии возмнятся, не да сами покланяемы бывають точию, но и во творениях ж и шарех да будет честь им исполнящая же и совершеншая“.⁶

И „Слово“ Симона Ушакова, и записка Симеона Полоцкого, и грамоты 1668—1669 годов, и компиляция Кариона Истомина — все они ведут борьбу против тех дешевых икон, потребителем которых был народ — „простая чадь“.⁷ Несомненно, авторы этих литературных

¹ Указ. рукопись, лл. 14, 17, 17 об., 18.

² Там же, л. 20.

³ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 324.

⁴ Указ. рукопись, л. 18. — Эту средневековую легенду Симеон Полоцкий пересказал и в стихотворении „Икона богородицы“. См.: Л. Майков. Симеон Полоцкий, стр. 148—149.

⁵ Вестник Общества древнерусского искусства... стр. 22; П. Пекарский. Материалы, столб. 321.

⁶ Указ. рукопись, л. 14 об. Ср. „Слово“ К. Истомина; А. Никольский. Слово к люботщателем иконного писания. Вестник археологии и истории. вып. XX, 1911, стр. 72.

⁷ Указ. рукопись, л. 17; Л. Майков. Симеон Полоцкий, стр. 145.